

От горной прерии вверх идет горная дорога. Маленькие девочки не умеют ездить верхом, поэтому они просто бросили своих лошадей и пошли вверх. Хотя горная дорога крутая, но, к счастью, здесь ее поддерживают, и была построена простая каменная дорога. Опираясь на них, маленькие девочки с радостью поползли вверх, и вскоре оставили позади медлительную Сюй Сючжу.

Увидев нетерпеливый вид Гао Вэньхэ, а затем посмотрев на девочек, которые уже скрылись из виду, Линь Цинъюй улыбнулась ему, а затем медленно пошла за Сюй Сючжу на несколько шагов.

Гао Вэньхэ благодарно улыбнулся ей и помчался вперед, чтобы догнать маленьких девочек. Это сердце старшего брата и отца, и он будет избит, если упадет.

На этот раз Линь Цинъюй вышла без служанки. Бай Вэй простудилась два дня назад, и даже с двумя служанками простудилась. Кроме того, служанка была бы бесполезна, если бы действительно что-то случилось. Линь Цинъюй позволил им отдохнуть. Это было сделано уже давно. Чтобы не бояться ситуации, Янь Ци положила чистую юбку в багаж. К счастью, Сюй Сючжу действительно ходила медленнее, чем свиньи. Линь Цинъюй взяла багаж и шла позади. Я не устала, просто могу полюбоваться окружающими пейзажами.

Женщина, которая поддерживала Сюй Сючжу, презрительно скривила губы и вернула свое сердце жене страны. Нет даже служанки, несущей багаж. На нее нельзя смотреть спокойно. Из-за этого мою госпожу невзлюбили и родственники. Изначально она хорошо следила за моим дядей на службе, а дядя был избалован одним человеком. Как удобно было в тот день. В результате теперь его везут в столицу, чтобы сделать мелким жильцом, да еще и чтобы над ним издевались эти черномазые наложницы!

Сюй Сючжу тоже была очень несчастна в душе. Когда она рожала сына, у нее случилась дистония. Хотя она изо всех сил старалась восполнить его, она все равно понесла некоторую потерю. Кроме того, после того как ей сообщили, что ее ребенок хочет вернуться в Бяньцзин, она переживала каждый день.

Не желая выходить, тело стало еще более хрупким, и теперь она запыхалась после восхождения на эту гору, но она не желает возвращаться, одна не желает слушать иронию этих наложниц, а другая - не хочет, чтобы ей повторили. Хрупкая не может даже смотреть на детей.

Пройдя таким образом, Линь Цинъюй понял, что больше не слышит голосов Гао Вэньхэ и девушек перед собой. По оценкам, его отбросило слишком далеко вниз, и луг не просматривался внизу. На тропинке росли высокие деревья, густая лесная листва была пышной и освещенной солнцем. Казалось, он не спустится, глубоко вздохнув.

"Госпожа Четыре, нам пора возвращаться?" Линь Цинъюй улыбнулся. Что касается этого расстояния, то дорога, чтобы догнать Гао Вэньхэ и остальных, должна быть длиннее, чем дорога вниз с горы. Видя, что она в любой момент может упасть, она не сможет подняться, поэтому лучше вернуться назад.

"Нет, я просто отдохну". Сюй Сючжу вздохнула и сказала, затем посмотрела вверх и указала на место, где горная дорога поворачивала.

Там, где горная дорога поворачивала, было несколько больших камней, но это было как раз подходящее место для отдыха. Линь Цинъюй кивнул и перешагнул через них на несколько шагов. Увидев, что под местом поворота была глубокая долина, бездонная, он сделал шаг внутрь и улыбнулся Сюй Сючжу. Сказал: "Присядьте здесь, госпожа Четыре".

Женщина бросила на нее взгляд и сказала: "Что ж, пусть моя госпожа сидит в таком грязном месте. Отойдите немного подальше. Можешь сесть вон там". Сказав это, она помогла Сюй Сючжу сесть на уборку рядом с Линь Цинъюй. Камень отошел.

Линь Цинъюй не мог, поэтому ему пришлось отойти. Сюй Сючжу, поддерживаемая женщиной, подошла. Уже собираясь сесть, она увидела, что перед ней глубокая долина.

Линь Цинъюй протянула руку, взяла ее за руку и потянула внутрь, сказав: "Это опасно, четвертая леди будьте осторожны". Прежде чем голос упал, Сюй Синъюй бросила ее и с отвращением толкнула, крикнув: " Не трогай меня!"

"

Чтобы поймать ее, Линь Цинъюй шагнул вперед, а за ним была глубокая долина. От толчка Сюй Сючжу ее ноги вдруг стали неустойчивыми. Как только камень расшатался, люди упали назад и полетели прямо в глубокую долину. Скатились вниз.

"Ах!" Сюй Сючжу только вскрикнула, ее прикрыла свекровь, ее лицо было бледным и дрожащим, и сказала, "Госпожа, пожалуйста, не шумите."

"Но..." Сюй Сючжу в ужасе уставилась на глубокую долину, где Линь Цинъюй скатывался вниз так, что был невидим, ее губы задрожали, и она посмотрела на свекровь.

"Госпожа, когда мы возвращались, мы сказали, что женщина была нетерпелива, и пошла за девочкой и за ними. Мы ее не видели". Свекровь успокоилась. Это дело не должно быть связано с молодой женщиной. Хотя молодая женщина была неумышленной, Цзи Гугун уже успел ее невзлюбить. Если это повторится, то я не знаю, что произойдет".

Сюй Сючжу тоже поняла этот уровень. Хотя она не была намеренной, но кто поверит, что она была ненамеренной? Тем не менее, лучше не говорить.

Тут Сюй Сючжу и двое поспешили вниз с горы, а госпожа Гао на траве вон там увидела несколько спешащих людей.

"Господин Чэн?" Увидев, что Чэн Цзя привел с собой на гору несколько свит, госпожа Гао прошептала.

"Да, разве Чэн Гунцзы не был с Фань Гунцзы?" Рядом с ним стояла женщина.

Я взглянул на людей на лугу, увидел, как Янь Ци покачал головой, Чэн Цзя потянул лошадь за поводья и перешел на другую сторону.

Утром, почувствовав беспокойство, Чэн Цзя подтолкнул приглашенного Ван Сюаньчжи и других к палатке Линь Цинъюй. Когда он увидел, что в палатке несколько человек кружат, как муравьи на горячей кастрюле, он понял, что Линь Цинъюй взял нескольких девушек на гору в одиночку. Когда я пошел, мое лицо почернело.

Линь Цинъюй нелегко привести охранника, но Чэн Цзя может это сделать, поэтому он берет четырех человек и идет на гору, чтобы найти кого-нибудь.

Согласно классу Чэн Цзя, он мог взять с собой только две свиты, но они разыграли подпись Чэн Сяна и ворвались прямо внутрь, и никто не осмелился по-настоящему преградить ему путь.

Осмотрев все подножие горы, никого не было видно. Чэн Цзя, не заметив этого, сказал Янь Ци: "Ты оставишь ее одну? Осмелишься подняться без посторонних?".

Янь Ци уже пожалел, что его кишки стали зелеными. Линь Цинъюй сказал, что он играл только у подножия горы. Как он мог забыть, что он был тем, кто мог сделать все, что угодно, когда его голова была горячей!

"Давненько глава дома не выходила отдохнуть. Ей нравится это место". сказал Е По скучным голосом.

Красивые горы и чистая вода, птицы и цветы, солнце и пейзажи - ей нравится такое место, где она может полностью расслабиться и получить чистейшее счастье, но уже сколько времени ее держат в клетке.

Чэн Цзя посмотрел на Е По и перестал издавать звуки, а только хлестнул лошадь по заднице. Он мог понять желание Линь Цинъюй отпустить ветер, и он мог понять настроение четверых, которые отступили из-за желания Линь Цинъюй. Он также знал, что, взяв с собой девушек и слуганок, они фактически не сильно рискуют, но ему было не по себе. Теперь же, найдя подножие горы и никого не увидев, я почувствовал еще большее беспокойство".

Чжао Иньфэн был очень подавлен, очень подавлен, сидел на скале, глядя на линию неба над головой, снова думал об утреннем деле, а потом ясно подумал, что его должны были подставить сразу три волны!

"Проклятье! Я не забуду тебя до смерти, когда вернусь!" Горько ругаясь, Чжао Иньфэн легонько пнул труп лошади перед собой и снова вздохнул. Если бы он ехал на своей погоне, как бы ветер не смог увернуться от спотыкающегося коня? Если бы Пань Хуэй не менял лошадей с собой, как бы он мог есть то, что давали другие?

Если бы не сумасшедший конь, бешено несущийся по горе, когда ему подставил подножку спотыкающийся конь, он не упал бы туда, где птица не гадит.

Итак, оглянемся еще раз назад. Перед тем как отправиться в путь, Пань Хуэй настоял на том, чтобы поменять лошадей местами с собой. Он сказал, что верхом на ветре обязательно сможет одолеть добычу, потому что уверен в себе, гм, пусть Пань Хуэй посмотрит, сила зависит от него самого. Если ты не лошадь, - согласился он. Сменив коня, люди Ляо пришли полюбоваться на преимущества демонтажа и угостили коня конфетами. Предполагается, что в них есть лекарство. Если это его собственный попутный ветер, он не будет После того, как он съел то, что дали другие, Пань Хуэй, лошадь без этики, даже подмигнул людям Ляо после еды! Самое ужасное, что спотыкающаяся лошадь была поставлена там рано утром. Все знают, что Чжао Иньфэн бежал впереди, и я тоже знал, что буду бежать в самое опасное место, где водятся большие звери, поэтому спотыкающаяся лошадь спешила. Кто сделал это, когда я пришел сюда?

Разве это не значит, что вчера была убита самая большая добыча? А вы? Что?

Чжао Иньфэн уже собирался поднять глаза к небу и зарычать, когда увидел шар, катящийся вниз с вершины разного дерева, он подсознательно вытянул руки, а затем.

"О!" Он был разбит этой тварью о труп лошади.

Хотя долина глубокая, это не прямой обрыв, а склон. Склон холма порос густым лесом. Когда Линь Цинъюй понял, что падать назад нехорошо для его тела, он крепко обнял сумку, а затем

сознательно покати́лся к деревьям, всю дорогу скатываясь вниз, словно подпрыгивая на деревьях, первоначально думая, что будет мертв или покалечен, кто знал, что когда последняя бомба рванула вниз, земля на самом деле была мягкой.

Мягкая земля? Это неправильно! Линь Цинъюй потрогал свою голову, которая уже так сильно покати́лась.

После того как призраки, маленькие птички и звезды исчезли, а свет перед ним окончательно восстановился, он сел и посмотрел вниз.

Сначала это была лошадиная голова, потом человеческая. Почему же эта человеческая голова такая знакомая? Это лицо было похоже на человека, Линь Цинъюй посмотрел на небо, не разбил ли он себе голову? Кто этот человек?

"Мертвая женщина, как долго ты хочешь сидеть!" Всплеск криков заставил ее прийти в себя, Цяньцянь указала пальцем на него и сказала, "Чжао Иньфэн?".

Чжао Иньфэн нахмурился, повернул лицо в одну сторону и сказал: "Вставай!".

Линь Цинъюй, которая хотела немедленно встать, увидела, что на лице Чжао Иньфэна промелькнул багровый оттенок, и опустила глаза. Она была настолько бессмертна, что случайно села на его седло, и снова под Чжао Иньфэном оказалась лошадь. Что же касается трупа, то неудивительно, что она не казалась в порядке, когда скатилась с такого высокого места, и Чжао Иньфэн ничего не понял. Опираясь на обе руки, Линь Цинъюй медленно пополз вниз.

Труп лошади и тело очень сильного человека все еще немного высоковаты. Линь Цинъюй знает, что его ноги сломаются, как только упадут на землю. Внизу - сплошной гравий, а ее правая нога уже на вершине. Была пронзительная боль, когда она коснулась земли, и ее тело снова стало падать. Если бы весь вес пришелся на нее, правая лодыжка точно бы разрушилась.

Я только что закончила кричать в своем сердце, но руку потянули, а затем медленно поддерживали ее у трупа лошади, Чжао Иньфэн перевернулся и посмотрел на пот на ее лбу и бледное лицо с некоторой поспешностью Спросил: "Было больно?"

Линь Цинъюй прижал руку к туше лошади сзади, с силой сел на землю, а затем задрал угол юбки, чтобы посмотреть на лодыжку. Как и ожидалось, там была большая припухлость, и при прикосновении к ней ощущалась боль.

Она скатилась до самого дна, одежда висела клочьями, а обнажившаяся кожа была покрыта шрамами.

Она выглядела очень смущенной. Чжао Иньфэн протянула руку наполовину, не решаясь продолжить, и сбивчиво спросила: "Где было больно?"

Линь Цинъюй посмотрел на него, потрогал его тело и увидел, что речь идет о травме кожи, но лодыжка беспокоила, и сказал: "Ничего серьезного, просто сломана нога".

Чжао Иньфэн сначала вздохнул с облегчением, затем посмотрел на линию неба над головой, и сказал: "Где ты на ногах?".

Линь Цинъюй тоже поднял голову, посмотрел на него и небрежно указал: "Выше".

Выражение Чжао Иньфэна внезапно стало холодным, и он сказал: "Меня кто-то толкнул вниз?"

"Разве это не намеренно?" Линь Цинъюй задумался на некоторое время, а затем спросил: "Почему ты здесь?"

"Меня подставили". Чжао Иньфэн сел рядом с ней и был разбит так сильно, что даже если бы под ним был труп лошади, он был бы разбит. Он взглянул на ее талию, она была очень мясистой. вес!

"Ты не будешь бить еще двадцать четыре моста?" спросил Линь Цинъюй, глядя на него с удивлением.

"Двадцать четыре моста и лунная ночь! Эй, я сказал, что ты имеешь в виду!"

"Ничего страшного, если ты пропустил это, почему ты так взволнован?"

"Я взволнован? Я говорю, я не рассчитался с тобой, ты вообще-то использовал сладкий картофель!"

"Что случилось со сладким картофелем? Разве это невозможно? В твоей руке нет ничего другого, или, может быть, в следующий раз попробуй воспользоваться поясным ножом? Или наруби палок на улице?"

"Ты женщина?"

"Неважно, женщина я или нет".

"Я только что спасла тебе жизнь!"

Линь Цинъюй фыркнул и сказал: "Это не умрет, если упадет. Это спасет мне максимум несколько костей. Даже если это будет даже больше, чем в прошлый раз, теперь мы не останемся в долгу!"

Чжао Иньфэн долго смотрел на нее, потеряв дар речи. Он фыркнул, встал и пошел прочь. Он прошел несколько шагов, а затем отступил назад. Он присел на корточки и сказал: "Поднимайся".

По тому, как он скатился вниз, можно было судить, что эта долина действительно очень глубокая, а лес здесь такой густой, что у него подкосились ноги. Трудно найти дорогу или ждать, пока ее найдут другие, поэтому Линь Цинъюй бесцеремонно забрался наверх. Имея щедрую спину, он не забывал нести свой собственный багаж.

"Эй, как тебя подставили?" с любопытством спросил Линь Цинъюй, пройдя некоторое время.

Как только Чжао Иньфэн рассказал о процессе, Линь Цинъюй погладил его по голове и сказал: "Тогда кто сделал эту упрямую прашу?"

"Откуда мне было знать, что есть слишком много людей, которые завидуют мне".

Линь Цинъюй дважды пренебрежительно фыркнул, заставив Чжао Иньфэна снова почувствовать злость, а затем он почувствовал, что огонь по всему его телу разгорается, и он не чувствует беспокойства во рту.

"Почему твое тело такое горячее? У тебя была лихорадка?" Линь Цинъюй бессознательно протянул руку, чтобы коснуться его лба.

Чжао Иньфэн на мгновение опешил, а затем почувствовал знакомое ощущение, появившееся в нижней части живота. Злой огонь разгорелся сильнее, когда она прикрыла лоб холодной ладонью.

Отойдя в сторону, Линь Цинъюй опустила Линь Цинъюй и прислонилась к скале, Чжао Иньфэн быстро подошел к берегу ручья, набрал пригоршню холодной воды и вылил ее себе на лицо, а затем с горечью сказал: "Я знаю, кто вызвал стерню".

"Кто?"

"Та **** женщина в Хуаяне!" Чжао Иньфэн застонал, нетерпеливо разорвал воротник своей одежды, а затем зарылся всей головой в воду.

Линь Цинъюй был ошеломлен на некоторое время. Видя, что все его тело утопает в мелком ручье, он нерешительно и медленно спросил: "Ты... не можешь... действительно... ты... ты?".

Гнев в сердце Чжао Иньфэна был таким же яростным, как **** в его теле, но он не ожидал, что Хуа Янь действительно осмелится напасть на него! После того, как девушка несколько раз виделась с ним во дворце, в этом году, увидев его недобрый взгляд, она сказала, что была так добра этим утром. Рано утром она выбежала, чтобы поднять тост за их группу.

Он намеренно сказал, что самая большая чаша предназначена для лучшего охотника и самого большого героя, а затем лично отдал ее ему. Почему он упал в обморок и выпил ее одним глотком? По времени этого нападения она должна была вычислить спотыкающуюся лошадь. Она споткнулась о лошадь и привязала ее перед собой. Это была просто лекарственная атака. Я **** ее бабушку! Ба, я не хочу **** себя, не **** ее!

Похоже, это правда! Линь Цинъюй перетянул ногу и отошел назад. Что это за судьба? !

Мелководье совсем не помогло, Чжао Иньфэн повернул голову и посмотрел на Линь Цинъюй, возможно, его сжигала похоть, женщина в рваной одежде, с волосами как у курятника, с несколькими пятнами крови на лице, на самом деле казалась такой красивой? Что за плохое лекарство?

Увидев, как Чжао Иньфэн встает с воды и шаг за шагом идет к нему, Линь Цинъюй неосознанно отступил назад, поднял голову и спросил "Что ты хочешь сделать?".

Глаза Чжао Иньфэна были красными, а выдыхаемый воздух был обжигающе горячим. Его кулаки были крепко сжаты, а взгляд ее глаз был опутан желанием.

А? Опять здесь? Линь Цинъюй был ошеломлен, а затем сказал: "Ты мужчина. Я думаю, что ты сможешь перенести это сам. Почему бы тебе снова не пойти поплескаться в воде?"

Чжао Иньфэн растегнул свою одежду. Сегодня на нем не было доспехов. На нем был голубой корсет. Он стянул его и обнажил пшеничную кожу внутри. Затем он потянул обеими руками, чтобы стянуть ее. Намокшая одежда была снята, и тело с идеальными мышцами и линиями было полностью обнажено.

"Эй! Чжао Иньфэн! Я - ****!" Линь Цинъюй не удержался и снова закричал в ответ, но он уже отступил к горной стене и не мог вернуться назад.

В красных глазах Чжао Иньфэна мелькнула вспышка света, его руки снова сжались в кулаки, а затем он из последних сил сделал несколько шагов назад, перевернул большой камень и сел, пыхтя и бормоча: "Разве можно на тебе жениться?".

Там не было ни звука, и сердце Чжао Иньфэна слегка покалывало, но затем его лишило рассудка нарастающее вожделение, а тело стало таким горячим, что казалось, оно вот-вот лопнет. То, что было под ним, уже было крепким, как гигантское дерево, и так раздувалось. Горькая боль.

Свернувшись калачиком, сомкнув руки, глубоко зажав пальцы, Чжао Иньфэн изо всех сил пытался контролировать свое тело, сохраняя последние остатки рассудка.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2535974>